

УДК 82.0:372.8

ИСЛАМСКИЙ ВОСТОК И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА (К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР)

Р.Ф. Мухаметшина, доктор педагогических наук

Россия объединяет народы разных национальностей и конфессий, в том числе и народы, связанные с исламской культурой, которые по традиции называют «восточными». По справедливому утверждению Вяч.Вс. Иванова, русская литература, «русская поэзия включает в себя и Восток как часть нашей живой истории, длящейся в опыте современности» [Иванов: 424].

Особенности русской цивилизации, соединяющей в себе Запад и Восток, христианство и ислам, Библию и Коран, нашли отражение в произведениях русских писателей и поэтов, в истории русской литературы и культуры. Этот богатейший материал может быть использован современными учителями и методистами для реализации нового подхода к изучению русской словесности, выражающегося в диалоге культур разных народов и цивилизаций, диалоге русской и родной культур.

Национальная история России, связанная с исламом, была раскрыта Н.М. Карамзиным в его многотомной «Истории государства Российского», оказавшей значительное влияние на формирование и развитие передовой русской мысли. Историк оценил важность татарского элемента в социальной эволюции Московского государства и сделал важные открытия о золотоордынском периоде российской истории. Золотордынский период, по мнению историка, характеризует начало исламо-христианского диалога, который выразался в

мирном сосуществовании православного христианства, занимавшего абсолютные позиции на Руси, и ислама, религии господствующих ордынцев. Карамзин писал: «Одним из достопамятных следствий татарского господства над Россией было возвышение нашего духовенства, размножение монахов и церковных имений...Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри... Владения церковные, свободные от налогов ордынских и княжеских, благоденствовали...» [Карамзин:429].

С исламским Востоком, с Кораном тесно связано и творчество великого русского поэта А.С. Пушкина, который познакомился с Кораном в 1825 году в Михайловском в переводе М.И. Вережкина, обладавшего художественным даром и мастерски выполнившего взятую на себя задачу. Коран открыл поэту новый, интересный и необычный для русского человека мир: «В пещере тайной, в день гоненья,/Читал я сладостный Коран./Внезапно ангел утешенья,/Влетев, принес мне талисман».

Этот мир раскрывается А.С. Пушкиным в цикле стихотворений «Подражания Корану», в котором он не просто фиксировал содержание и структуру священной книги мусульман, но и нашел новые идеи, образы, чувства, которые стали составной частью его мировоззрения и творчества.

Очевидно не только внешнее, но и внутреннее сходство стихотворения

А.С. Пушкина «Пророк» с ветхозаветной традицией: в основе сюжета лежит библейская история о пророке Исае. По мнению исследователей, сюжет стихотворения близок и восточному преданию об избрании пророка Мухаммеда: «Начальную строку 94 суры Корана «Разве мы не раскрыли тебе твою грудь? (пер. И.Ю. Крачковского) стали понимать так, что ангелы по приказу Аллаха вынули у Мухаммеда из груди сердце. Вероятно, это толкование, известное А.С. Пушкину, могло войти составной частью в замысел «Пророка» [Иванов: 432].

Верность следования духу Корана у Пушкина можно подтвердить и анализом формы изложения стихотворения «Пророк». В священных книгах иудеев и христиан (Торе и Евангелии) повествование ведется от третьего лица: кто-то доводит до верующего заповеди Бога. В Коране Аллах говорит от первого лица: в этом прямом, непосредственном обращении заключена та огромная духовно-нравственная сила воздействия, которую испытывает читатель священной книги мусульман. Пушкин как поэт оценил выразительные возможности Корана и воспользовался этой формой в заключительных строках «Пророка», которые содержат прямую речь Бога, обращенную к пророку (поэту).

Стихотворения «Подражания Корану» и «Пророк» являются свидетельством глубины исторической интуиции великого русского поэта, уловившего родство двух воспринятых им традиций.

А.С. Пушкин внес решающий вклад в то, чтобы при сопоставлениях христианства и ислама выйти из антиномии «свое – чужое», надолго определил отношение небольшой, но лучшей части русской литературы к исламу. Вокруг него образовалась и постоянно расширялась атмосфера диалога с Востоком. Поэт вовлекал в орбиту восточных интересов Вяземского, Рыльева, Чаадаева, Бестужева, Дельвига и других своих друзей.

Близкий друг Пушкина, П.Я. Чаадаев, мировоззрение которого носило ярко выраженный религиозный характер, отмечал, что пророк Мухаммед является представителем той же духовной традиции, что Моисей и Давид. Стремясь развенчать царившие в обществе антиисламские предрассудки и примирить две великие монотеистические традиции, Чаадаев заявляет, что в Коране нет почти ни одной главы, в которой не упоминалось бы об Иисусе Христе. Оставаясь приверженцем своей религии, Чаадаев приходит к выводу: «Представляя результат религиозного брожения, вызванного на Востоке появлением новой религии, магометанство занимает первое место в ряду явлений, на первый взгляд, не вытекающих из христианства, на деле же несомненно происходящих из него» [Чаадаев: 123 – 124].

Арабо-мусульманский мир, Запад и Восток стали вопросами полемики о культурно-исторической идентичности России, ее места в европейской цивилизации, развернувшейся между славянофилами и западниками. Идеолог славянофильства А.С. Хомяков в статье «Черты из жизни халифов» писал, что ислам основывается отчасти на истинных началах и имеет с христианством общие истоки: «Магометанство происходило от того самого корня, от которого шел и закон Моисеев... Потомки Авраама по Измаилу поселились в Аравии и сохранили то же самое предание, с примесью некоторых заблуждений и ложных учений» [Хомяков: 483 – 484].

В 1858 году журнал «Современник» опубликовал русский перевод книги Вашингтона Ирвинга (1783–1859) «Жизнь Магомета», которая приобрела в России большую популярность. Известный литературный критик и публицист Н.А. Добролюбов пишет на книгу Ирвинга подробную рецензию, в которой, не указывая своего авторства, пытается объективно разобраться в личности Пророка. Сторонник глубокого и всесторон-

него изучения всемирной истории, он признает «естественное происхождение магометанской религии и развитие мусульманского могущества, сообразное с характером самого учения и с характером народов, которые его приняли [Добролюбов: 114].

Вырощий на наследии Карамзина и Пушкина, знавший перипетии интеллектуальных разногласий между славянофилами и западниками, Ф.М. Достоевский ратовал за уникальность русского духовного опыта, так называемой русской идеи, отмечая одновременно и ее общечеловеческий характер.

Общение с известным казахским просветителем Чоканом Валихановым (1835–1865), с которым он познакомился в Омске, помогло Достоевскому глубже понять суть исламского вероучения как духовной традиции мусульманских народов России. Позитивный опыт восприятия ислама писатель передал в своих произведениях «Преступление и наказание», «Идиот», рассказе «Сон смешного человека». В названных произведениях он затрагивает волновавшие его вопросы, связанные с пониманием различных сторон ислама и пророческой миссии пророка Мухаммеда. Он оспаривает мнение героя «Преступления и наказания» Раскольникова, считающего Мухаммеда жестоким пророком, и доказательно убеждает, что Мухаммед и Христос – божьи посланники, не соперничающие друг с другом, а несущие одну спасительную миссию. Огромный внутренний смысл заложен в эпилоге романа, когда Раскольников стоит на берегу Иртыша и, вглядываясь вдаль, думает об Аврааме как идеальном «общечеловеке» и настоящем духовном подвижнике, жившем когда-то в Палестине и заложившем каноны истинного единобожия [Достоевский, Т.5: 572]. Именно в постижении этих канонических Раскольникову суждено утолить духовно-нравственную жажду, которая его мучает. В «Идиоте» писатель, рассуждая о

падучей болезни князя Мышкина (Достоевский сам был подвержен этому недугу), проводит параллель с беспокойным состоянием пророка Мухаммеда, когда тому через архангела Джабраила являлись Откровения Всевышнего. Достоевский считал, что таким образом Бог отмечает тех, кому суждено выполнить Его волю [Достоевский, Т.6: 257]. «Сон смешного человека» – это сложная развернутая метафора некоей синтетической религии (по замыслу автора, опирающейся на духовные ценности, открывшиеся Моисею, Иисусу и Мухаммеду), которая для непосвященных кажется смешной («над которой смеются»), но за которой будущее («Я иду проповедовать Истину, так как я ее видел») [Достоевский, Т.10:440]. Герой рассказа одержим идеей устроить рай на земле, и путь к решению этой задачи ему видится в евангельском правиле: «люби других как себя», что составляет этический стержень не только христианской, но и других монотеистических религий.

Л.Н. Толстой, автор блестящих произведений о жизни мусульманских народов России («Хаджи-Мурат», «Кавказский пленник», «Ильяс» и др.), детально знавший уклад и быт горцев, татар и башкир, их национальные и религиозные традиции, значительное внимание в своем творчестве уделил исламу. Вопросы нравственного совершенствования человека осмыслялись им сквозь призму духовных исканий и поисков. М.В. Черкезова в методическом пособии «Литература и культура» пишет о гуманистической направленности повести «Хаджи-Мурат», утверждающей возможность сближения, взаимопонимания между лучшими людьми каждого народа, несмотря на различия в культуре, обычаях, традициях. Это делает произведение «чрезвычайно актуальным в наше время, в период межэтнических конфликтов и нарастающего межнационального отчуждения» [Черкезова:30].

Сложный и противоречивый характер восприятия ислама в общественном сознании России выразил русский философ В.С. Соловьев, автор очерка «Магомет, его жизнь и религиозное учение». Появлению этой работы предшествовало широкое знакомство Соловьева с современной научной исламоведческой литературой. Очерк можно охарактеризовать лучшей интерпретацией ислама в русской философии и в целом общественной мысли XIX века. Соловьев в духовной эволюции человечества отводит исламу исключительно важную роль и благодаря полученным знаниям об исламе развенчивает связанный с идеей джихада миф о религиозном фанатизме и нетерпимости мусульман. «Цель священной войны, – писал он, – не есть обращение неверных в ислам, а только их покорность исламу. Таким образом, противоречие здесь только кажущееся, и в учении Мухаммеда веротерпимость вполне совмещается с идеей священной войны» [Соловьев:46].

Вяч.Вс. Иванов писал, что «пушкинская традиция по отношению к мусульманскому Востоку едва ли не прямее отразилась и продолжилась в стихах Бунина», в творчестве которого можно найти целые циклы, навеянные Кораном [Иванов: 452]. Бунин черпал в Коране многочисленные мотивы и сюжеты, которые творчески переосмыслились, играя роль импульса для развития поэтических философско-мифологических интерпретаций и продолжений.

Начало века для символистов было временем синтеза идей Востока и Запада, для поэзии авангарда также было характерно освоение восточных поэтических форм. Поэт-футурист Хлебников видел одну из неотложных задач русской словесности в том, чтобы раздвинуть исторический и географический кругозор, показав «государство на Волге – старый Булгар, Казань, древние пути в Индию, сношения с арабами» (О расширении пределов русской словесности, 1913г.).

«Духовное молоко Корана еще нужно для человечества», – писал русский писатель и философ В.С. Соловьев, подражая дальнейшее духовное развитие человечества с принятием и постижением религиозных ценностей ислама, единой, внутренней стройной, открытой диалогу культуры.

Возрождение национальных литератур, возврат к собственным национальным корням и традициям, поиски новых форм взаимодействия, взаимобогащения литератур и культур требуют современного литературоведческого и методического осмысления проблемы диалога русской (православной) и восточной (исламской) культур. Заложенная в диалоге культур сила художественного творчества способна служить преодолению межэтнических и межконфессиональных барьеров XXI века, формированию человека с гуманным мышлением, человека культуры.

Литература

1. Асадуллин Ф.А. Москва мусульманская: история и современность. Очерки / Ф.А.Асадуллин. – М.: УММА, 2004. – 225 с.
2. Добролюбов Н.А. Собр. соч: В 3 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1986.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч: В 10 т. /Ф.М.Достоевский. – М.: Худ. лит., 1956.
4. Иванов Вяч.Вс. Темы и стили Востока в поэзии Запада / Вяч.Вс.Иванов // Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы. – М.: Наука, 1985. – С.424–469.
5. Карамзин Н.М. Предания веков: Сказания, легенды, рассказы из «Истории государства Российского» /Н.М.Карамзин. – М.: Правда, 1988. – 766 с.
6. Соловьев В.С. Магомет, его жизнь и религиозное учение / В.С.Соловьев. – М.: Собрание, 1994. – 231 с.

7. *Хомяков А.С.* Сочинения в 2-х т. / А.С.Хомяков. – М.: Моск. философ. фонд: Медиум, 1994. – Т.1. – 786 с.
8. *Чаадаев П.Я.* Статьи и письма / П.Я.Чаадаев. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 342 с.
9. *Черкезова М.В.* Литература и культура: Пособие для национальной школы / М.В.Черкезова. – М.: ИНПО, 1999. – 125 с.

Summary

Questions of interaction of Russian literature and Occidental culture widely described in studying literature and methodological science. Here the author discusses questions about interaction of Russian (Orthodox) and Oriental (Islam) culture. History of Russia, connected with Islam, discovering Islamic Orient by Karamzin, by Chaadayev, Dobrolubov, Tolstoi, Dostoyevskiy and other representatives of Russian literature and esthetic thoughts can be used at school and university practice for fulfilling the cultural dialogue in language and literature teaching.